

Цюй Нин поднял забинтованную правую руку:

— Это всего лишь порез от осколков фарфора, когда я бил этого ублюдка. Как это превратилось в то, что я пытался покончить с собой?

— И это всё? — Дун Жуй был ошеломлён.

— Да, всё. А что ты ещё хотел? Чтобы тот ублюдок действительно меня изнасиловал? — Цюй Нин мрачно взглянул на Дун Жую.

— Ха-ха... Ха-ха... — Дун Жуй рассмеялся. — Изнасилование, самоубийство... Это слишком смешно, Цюй Нин, ты...

Не успел Дун Жуй закончить фразу, как дверь с грохотом распахнулась, ударившись о стену. Оба мужчины в комнате обернулись на звук и увидели Су Цзинь, стоящую на пороге с гневным выражением лица. За ней стоял Хэ Шаоцзюнь с таким же взглядом. Они только что подошли к двери и услышали смех Дун Жую и его последние слова. Учитывая, что Дун Жуй и Цюй Нин ранее поссорились, они решили, что Дун Жуй пришёл, чтобы унижить Цюй Нина.

Су Цзинь с холодным лицом подошла к Дун Жую:

— Ты хоть как-то был другом Цюй Нина, вы работали вместе несколько лет. Если ты пришёл сегодня, чтобы добить его, то лучше уходи.

Дун Жуй мгновенно понял, что они его неправильно поняли, но он и Цюй Нин пока не могли раскрыть всю правду. Он позволил Су Цзинь продолжать, лишь потирая нос и не осмеливаясь возразить:

— Эм, у меня дела, я пойду.

Он поспешно ретировался, украдкой бросив на Цюй Нина сердитый взгляд.

После ухода Дун Жую Су Цзинь открыла термос и налила тарелку супа, протянув её Цюй Нину. Тот хотел взять её, но правая рука была ранена, а левая была подключена к капельнице и не имела сил. Су Цзинь забрала тарелку и поднесла ложку ко рту Цюй Нина.

Под пристальным взглядом матери Цюй Нин покорно открыл рот и выпил суп. Он поднял глаза и увидел Хэ Шаоцзюня, стоящего у стены и смотрящего на него издали, не приближаясь.

«Притворяешься, да?» — мысленно усмехнулся Цюй Нин.

Хотя он был без сознания последние несколько дней и не открывал глаза, он всё же чувствовал, что кто-то сидел у его кровати глубокой ночью, пристально глядя на него, не отводя взгляда. Он знал, кто это был.

— Мама, этот суп отвратителен, — сказал Цюй Нин, глядя на Хэ Шаоцзюня.

Как только суп коснулся его рта, он понял, что это был суп от Хэ Шаоцзюня. То, что готовил Хэ Шаоцзюнь, всегда соответствовало его вкусу. Даже если там были лекарственные травы, они не были горькими или неприятными, а всё ещё казались настолько вкусными, что хотелось выпить ещё несколько тарелок.

— Даже если он отвратителен, ты его выпьешь. Это суп для восстановления энергии, он полезен для твоего тела, — сказала Су Цзинь.

Она заметила, как Цюй Нин смотрел на Хэ Шаоцзюня. Сейчас, когда они расстались, она не чувствовала радости. Она слышала, что это Хэ Шаоцзюнь бросил Цюй Нина, и теперь, когда Цюй Нин всё ещё был привязан к Хэ Шаоцзюню, Су Цзинь чувствовала, как её сердце разрывается от боли. Но она сдержала свои эмоции и продолжала кормить Цюй Нина супом с холодным выражением лица.

— Я же не после родов, зачем мне восстанавливать энергию? — усмехнулся Цюй Нин.

Су Цзинь, возможно, тоже улыбнулась от этих слов, но как только её губы растянулись в улыбке, она увидела бинты на запястье Цюй Нина и вспомнила о его испытаниях. Теперь слова Цюй Нина казались не шуткой, а скорее самоиронией.

Цюй Нин увидел, как глаза его матери остановились на его ране, в них читались печаль и жалость. Он вдруг вспомнил слова Дун Жуя. Неужели его мать тоже думает, что его изнасиловали?

Цюй Нин резко посмотрел на Хэ Шаоцзюня. Он тоже думает, что его кто-то использовал, поэтому держится так далеко? Он презирает его, считает его... грязным?

— Не хочу больше, — холодно сказал Цюй Нин, повернулся на бок и натянул одеяло на голову.

Такой поступок Цюй Нина только подтвердил его стыд и гнев. Су Цзинь, чувствуя боль в сердце, больше ничего не сказала. Она взглянула на Хэ Шаоцзюня позади себя и вздохнула.

За эти несколько дней друзья приходили и уходили, навещая Цюй Нина. У всех было такое же выражение лица, как у Дун Жуя, они смотрели на его раненое запястье с болью и сожалением. Цюй Нин чувствовал, как внутри него всё кипит. Ему хотелось схватить каждого, кто смотрел на него с таким взглядом, и закричать: «Я не был изнасилован женщиной!» Но как это сказать? Это звучало бы как оправдание. Цюй Нин чувствовал, будто съел килограмм перца и выпил кастрюлю кипятка. Его рот и желудок горели, но он не мог выговориться. Это было невыносимо.

Лю Шиянь тоже пришла. Она была в смятении последние дни и уехала домой на некоторое время. Как только она вернулась и услышала о происшествии с Цюй Нином, она сразу же пришла.

В отличие от других друзей, с которыми он не мог поговорить открыто, перед Лю Шиянь Цюй Нин притворился, что выглядит спокойным, хотя на самом деле скрывает стыд и гнев. Он хотел, чтобы Лю Шиянь оставила его. Если бы она узнала, что его изнасиловали, возможно, она бы отказалась от него, выпустила пар и всё закончилось бы.

Цюй Давэй и Юй Синьюй, конечно, тоже пришли. Цюй Нин сохранил то же выражение лица, что и перед Лю Шиянь, когда разговаривал с отцом. Он давно хотел устроить такой спектакль. Он не мог подать жалобу в комиссию по дисциплине на своего отца за злоупотребление властью, и он не хотел действительно довести отца до болезни. В конце концов, это был его отец, и Цюй Нин знал, что отец его любит, хотя его чрезмерный контроль раздражал. Поэтому Цюй Нин решил притвориться больным и раненым, чтобы его отец почувствовал, что значит «отплатить той же монетой». Сейчас как раз был подходящий случай.

После нескольких дней восстановления Цюй Нин окончательно пришёл в себя, и больница назначила ему полное обследование. Когда результаты обследования были готовы, Цзинь Нана спросила трёх человек, стоящих у двери:

— Кто здесь родственники Цюй Нина?

Су Цзинь шагнула вперед:

— Я, я.

Цюй Давэй тоже подошёл.

Цзинь Нана сказала:

— Зайдите, мне нужно с вами поговорить.

— Я тоже, я его девушка, — Лю Шиянь тоже подошла.

Цзинь Нана посмотрела на неё:

— Заходите.

Цзинь Нана была главным врачом, которую Цюй Нин попросил назначить его лечащим врачом после того, как пришёл в себя. Они объяснили это тем, что у прежнего врача было слишком много пациентов, и Су Цзинь и другие не возражали, так как Цзинь Нана была известным главным врачом.

— Я хочу поговорить с вами о состоянии Цюй Нина, — начала Цзинь Нана, предложив трём людям сесть в кабинете.

— С Цюй Нином что-то не так? — Су Цзинь нервно встала и шагнула вперед.

Цюй Давэй вернул её на место, стараясь сохранять спокойствие:

— Не волнуйся, сначала выслушай врача.

Цзинь Нана посмотрела на троих и серьёзно начала:

— Цюй Нину дали чрезмерную дозу возбуждающего препарата и галлюциногена. Обычно люди восстанавливаются после такого за некоторое время, но Цюй Нин — аллергик, у него аллергия на галлюциноген...

— Аллергия? Это что, сыпь? — Су Цзинь сразу же заволновалась и снова встала.

— Не перебивай, слушай врача, — Цюй Давэй пытался сохранять спокойствие, но в его голосе уже слышалась паника.

Цзинь Нана продолжила:

— Сыпь — это лишь один из симптомов аллергии. У Цюй Нина аллергия повредила нервную систему и некоторые функции организма. Говоря прямо, в будущем у Цюй Нина могут быть проблемы с сексуальной функцией, и он, возможно, не сможет иметь детей.

Цюй Нин сидел в соседнем кабинете, подслушивая через дверь. Услышав это, он мысленно выругался. Хотя это было частью их плана с Цзинь Наной, какому мужчине будет приятно услышать, что он «не сможет».

Цюй Давэй больше не мог притворяться спокойным, он встал и подошёл к Цзинь Нане,

беспокойно спрашивая:

— Это действительно неизлечимо? Можно ли это вылечить? Если здесь не можем, может, за границей?

Цзинь Нана терпеливо объяснила:

— Повреждение нервной системы — это не то же самое, что повреждение конечностей. Его трудно обратить. Насколько я знаю, в современной медицине нет эффективного лечения.

Трое замерли. Су Цзинь внезапно бросилась к Цюй Давэю, плача и ударяя его:

— Это всё твоя вина, это всё твоя вина!

Цюй Давэй уклонился:

— Как это моя вина? Это я заставил его заниматься ерундой?

— Ты заставил Сяо Нина расстаться с Дацзюнем, ты всё время устраивал проблемы, иначе он бы не пошёл в то место напиваться и не попал бы в ловушку. Теперь что? Что Сяо Нин будет делать? Какая девушка теперь выйдет за него замуж?

Закончив, они оба замерли и посмотрели на Лю Шиянь.

Лю Шиянь с самого начала сидела молча, а теперь её глаза широко раскрылись, и она застыла с полуоткрытым ртом.

Они оба провели полжизни в политике и умели читать людей по выражению лица. Они сразу всё поняли. Су Цзинь снова заплакала, обращаясь к Цюй Давэю:

— Теперь, не говоря уже о женщинах, даже мужчина не захочет его... этого... бесполезного.

Су Цзинь с трудом выдавила последние два слова, которые действительно пронзили сердца.

— Я хочу! — эти два твёрдых слова прозвучали из уст Хэ Шаоцзюня, стоящего у двери.

<http://bllate.org/book/16802/1545396>